

А.Л. Андреев

МЕСТО РОССИИ В МИРЕ: ЕВРОПА ИЛИ ЕВРАЗИЯ?

АНДРЕЕВ Андрей Леонидович – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: sympathy_06@mail.ru

Статья посвящена вопросу о том, как россияне видят место России в мире и, в частности, в Европе. На основании данных проводившихся в разные годы социологических опросов рассматривается динамика отношения россиян к Европе начиная с середины 90-х годов. В статье показано, что образ Европы в сознании российского социума зависит как от глубоко укоренившихся в национальном менталитете ценностных установок и архетипов, так и от прагматических оценок состояния отношений России с ведущими европейскими странами. В этой связи отмечается, что мотивация европейских государств в вопросах сотрудничества с Россией представляется большинству россиян в основном эгоистической (они считают, что европейцы заинтересованы исключительно в природных ресурсах нашей страны). Автор констатирует наметившийся усиливающийся в российском социуме интерес к Востоку и анализирует связанный с этим процесс эрозии европейской идентичности. Значительное внимание уделено характеристике степени вовлеченности различных групп россиян в культурно-информационное поле Европы.

Ключевые слова: Россия, Европа, Евразия, место России в мире, Евросоюз, Запад, Восток, НАТО, национальный менталитет, российская идентичность, западничество, евразийство, культурно-информационное пространство

Вопрос об отношениях с Европой (и – одновременно – об отношении к Европе) для россиян не является чисто прагматическим. Он глубоко укоренен в проблематике российской идентичности и уже в силу этого вряд ли может решаться на основе простой калькуляции взаимных выгод. Здесь всегда есть некий иррациональный остаток, который проявляется то в

предельной открытости, то в замкнутости и изоляционизме, то в доходящей до самоотречения уступчивости, то в нежелании учитывать даже «разумные» (с точки зрения партнера) аргументы. Вот почему, характеризуя место, которое Россия занимает и потенциально может занимать в современных европейских процессах, важно учитывать не только объективно существующие в этом мире реалии, но и культурно-психологическую мотивацию сторон, вплетенные в соответствующий контекст эмоции, стереотипы, смысловые ассоциации.

Складывающийся в массовом сознании образ Европы имеет довольно сложную динамику, ибо он существует не сам по себе, а в целостном смысловом контексте, в тесной связи с образами других значимых геополитических субъектов, включая саму Россию. Естественно, он содержит в себе конъюнктурную компоненту. Однако сопоставление данных, полученных нами в разные годы, позволяет говорить и об инвариантах, которые воспроизводятся в массовом сознании на протяжении длительных временных периодов, а также о некоторых тенденциях, обусловленных глубинными социально-историческими процессами, лишь отчасти модифицируемых текущими событиями.

Как показывают данные проводившихся нами исследований, на протяжении по крайней мере двух десятилетий в российском обществе идет процесс смены подходов, ценностей и ориентиров, выражающий собой в конечном счете поиск Россией своего места в формирующемся у нас на глазах глобальном мире. При этом отношение практически ко всем странам, составляющим «активный» международный горизонт Российской Федерации, претерпело заметные изменения. Применительно к Европе в этом процессе можно выделить несколько этапов. Еще Достоевский отметил, что для образованных русских людей его эпохи Европа была своего рода вторым (а иногда и *первым*) отечеством. Эти слова довольно точно характеризуют и настроения, распространенные в советском обществе времен хрущевской «оттепели» и брежневского «детанта». Они охватывали не только значительную часть российской интеллигенции, но и тесно с ней связанную либеральную бюрократию. Перестройка советской системы, а затем и ее демонтаж в начале 90-х годов XX века воспринимались тогда в свете перспективы приобщения к Западу, ближайшей и наиболее подходящей формой которого было бы стать «возвращение в Европу». Эмоционально россияне были готовы к такому возвращению. Мысль о том, что Европе объективно необходимо сотрудничество с Россией, вплоть до второй половины 90-х годов не раз проходила в публикациях российских аналитиков. Многие политические деятели и интеллектуалы Европы также, в свою очередь, ожидали, что Россия без особых проблем

встроится в рамки западной либерально-демократической модели и, как выразился в этой связи Х. Тиммерман, тем самым «станет такой, как мы».

Однако опыт сближения с Западом по целому ряду причин оказался разочаровывающим, а надежды, которые возлагались на этот процесс, преувеличенными. И российское общество ответило на это разочарование неоконсервативной волной, лейтмотивом которой стал отход от западных увлечений периода становления демократии.

К середине 90-х годов в массовом сознании постепенно утверждается мнение, что западный путь развития, при всех своих привлекательных сторонах, для нашей страны не подходит. В этом новом контексте культурно-историческая самобытность России интерпретируется уже не как «проклятие», а как непреходящая базовая ценность. Это можно рассматривать как новый этап в эволюции отношения россиян к Европе. Смысловая тональность его соответствующим образом изменилась. Тем не менее образ Европы остается чрезвычайно привлекательным, а уровень симпатий к ведущим европейским странам (Англия, Франция, Германия и др.) намного превышает соответствующий показатель стран Азии. Свой национальный характер россияне отчетливо отделяют от европейского типа и уже не проявляют стремления «быть такими же», но русская культура однозначно идентифицируется как европейская. Хотя российская политическая элита уже тогда усиленно демонстрировала свою озабоченность наступлением НАТО на восток, массовое сознание реагировало на эти усилия очень слабо, и в целом Атлантический блок вплоть до конца 90-х годов воспринимался достаточно благожелательно. Во всяком случае, а тот момент с ним не было связано ощущение угрозы.

Данный период, однако, оказался очень коротким: он был оборван внезапной и очень болезненной психологической травмой – военной акцией НАТО в бывшей Югославии (1999). Не будем рассуждать по поводу мотивов и правомерности данной акции. В данном случае важно совсем другое: ее разрушительное воздействие на сложившуюся в сознании россиян картину миру, центральное место в которой до той поры занимала Европа. Несомненно, действия НАТО против Сербии убедили россиян в том, что, правительства ведущих европейских стран не только придерживаются политики двойных стандартов, но и готовы навязывать свою позицию силой, не считаясь с неизбежными жертвами среди мирного населения. Следовательно, противопоставить этому следует не только «правильные» слова, но и реальную силу. Именно с этого момента антинатовский дискурс российской политической

элиты начинает четко резонировать с настроениями населения. Дело, однако, не только в этом. Зрелище бомбардировки одной из *европейских* столиц излечило россиян от многих взлелеянных ими иллюзий – и прежде всего от веры в *европейскую исключительность*, а заодно и в подлинность европейской демократии.

Правда, наибольший ущерб в результате этого потерпела репутация США. В России начинают расти антиамериканские настроения, которые быстро приобретают массовый характер и становятся общественно значимым явлением. Отношение к входящим в НАТО ведущим европейским странам так резко не менялось. Но оно стало прохладнее (снижение составило до 10 процентных пунктов), и растущая популярность некоторых государств СНГ (особенно Белоруссии), а также зарубежной Азии (Индия) уже в начале нового десятилетия (2000–2002) сравнялась с уровнем симпатий к таким европейским лидерам, как Германия, Великобритания, Франция и даже превысила его. Особо отметим, что после 2000 г. в общественном сознании наметилось заметное улучшение отношения к Китаю, который ранее либо воспринимался с значительной долей недоверия, либо вообще мало интересовал россиян.

Во всех этих тенденциях без особого труда прослеживается влияние различных событий политической жизни. Не только военных действий на Балканах или позиции «европейской общественности» по Чечне, которую даже многие российские европейцы расценили как полное непонимание сути происходящего, но и, допустим, выдвинутой Е.М. Примаковым идеи создания стратегического треугольника Москва – Пекин – Дели. Однако было бы неправильно сводить описанную нами динамику умонастроений лишь к ситуативным реакциям на перипетии международной жизни. В немалой мере они были обусловлены и изменением социального тонаса российского общества, формированием после 2000 г. атмосферы умеренного оптимизма и крепнущей уверенности в своих силах. О том, как трансформировался в этом контексте образ Европы, можно судить по его психосемантической реконструкции, построенной нами на основании данных, полученных в ходе проведенного в 2002 г. всероссийского социологического опроса. В общем и целом Европа предстала на этой модели как островок не сравнимой с нынешней российской действительностью стабильности, материального благополучия, комфортного существования, уважения прав человека. Однако по факторам социальной энергетике и динамизма она в глазах наших респондентов сильно проигрывала России. Кроме того, отдавая должное европейской *цивилизованности*, россияне отказались признать духовное превосходство

Европы, в том числе в сфере *культуры*. В то же время русская культурная самоидентификация по-прежнему оставалась безусловно европейской. Да и будущее свое россияне, несмотря ни на что, связывали преимущественно все же с Европой. Отражая эти общественные настроения, Москва переходит от декларировавшихся при Ельцине намерений интегрироваться с Евросоюзом к новой европейской политике, концептуальным стержнем которой стала идея строительства так называемой «Большой Европы» в форме ассоциации двух равноправных партнеров – ЕС и сообщества исторически связанных с Россией государств на востоке континента.

Судя по данным опросов общественного мнения, осенью 2008 г. в эволюции отношения россиян к Европе наступил новый этап. Как и в предыдущем случае, он был инициирован острым внешнеполитическим кризисом – нападением грузинских войск на Южную Осетию и последовавшей за этим так называемой пятидневной войной, закончившейся разгромом грузинской армии и провозглашением независимости двух бывших грузинских автономий. По следам трагических событий произошел настоящий обвал симпатий ко всем, на кого российское общественное мнение возложило вину за кровавые события в Южной Осетии. Разумеется, негативная реакция россиян коснулась в первую очередь Грузии. Однако обострение международной обстановки, вызванное российско-грузинским вооруженным конфликтом и последовавшими за ним событиями, в той или иной степени повлияло и на отношение россиян к другим странам мира. Это касается даже Франции, образ которой в русском сознании традиционно окрашен налетом сентиментальности. Но наиболее резко ухудшилось отношение россиян к Великобритании (как к самому надежному политическому партнеру США) и Украине, которая оказывала Грузии прямую военную помощь. А ведь совсем незадолго до этого Украина, наряду с Белоруссией, воспринималась россиянами как наиболее вероятный союзник!

Через год, когда шок от вступления грузинской армии в Цхинвал и гибели российских миротворцев прошел, индикаторы симпатий почти к каждой отдельно взятой стране Европы восстановились практически до докризисных значений. Например, уровень симпатий россиян к Франции поднялся с 65–66% до 84%, к Германии – с 58% до 76%, к Великобритании – с 38,5 до 64%. Количество же респондентов, испытывающих к названным странам негативные чувства, сократилось на 8–10% – примерно до того же уровня, который был зафиксирован в самом начале десятилетия.

И все же, ситуация в целом отличается от ситуации 1999–2007 гг. по нескольким принципиальным позициям. Если произвести ретроспективное сопоставление данных, относящихся к текущему моменту, с результатами исследований за прошлые годы, то можно заметить общую тенденцию отклонения вектора российского самосознания от более или менее четко выдерживавшегося ранее общего направления на Запад. Однако до недавнего времени данная тенденция развивалась постепенно и не так уж быстро. Ярко выраженное размежевание глобальных игроков по поводу событий в Южной Осетии и Абхазии, как бы подтолкнуло процесс. Если в 1996–1998 гг. США, Франция, Великобритания, Германия значительно опережали по уровню симпатии к ним наших сограждан практически любую, даже самую симпатичную им, страну незападного мира, то сегодня картина выглядит иначе. США и Великобритания отодвинулись в самый конец списка фаворитов, с Францией практически сравнялась Индия, Германию же перегнал Китай.

Эта тенденция существенно повлияла на позицию российских граждан по поводу так называемого «европейского выбора» для России. В 2002 г. мы в первый раз предложили нашим респондентам ответить на вопрос о том, должна ли Россия стремиться к интеграции с Евросоюзом или это для нее не обязательно, а, может быть, и не нужно. Как выяснилось по результатам опроса, несмотря на наметившееся уже разочарование в развитии диалога России с Европой, «европейская перспектива» в то время определенно привлекала большинство россиян. Во всяком случае в ее пользу высказалось свыше половины опрошенных (51,5%), в то время как число сторонников противоположной точки зрения составило только 35–36%. С тех пор данная тема периодически зондировалась в наших исследованиях, и уже через несколько лет они выявили существенный сдвиг в общественных настроениях. В 2007 г. доля оппонентов «европейского будущего» превысила число его приверженцев более чем на 10%. Тогда, однако, очень многие (около 30% опрошенных) не смогли занять по данному вопросу никакой четкой позиции. Результаты проведенного в 2009 г. опроса подтвердили, что этот сдвиг не был случайной флуктуацией, а, напротив, обозначил стойкую тенденцию. Судя по полученным нами данным, в настоящее время долю «европеистов» в российском обществе можно оценить на уровне 38–37%. По сравнению с 2002 г. она сократилась примерно на 15%; уменьшилось и количество не определившихся, тогда как численность «евразийцев», напротив, увеличилась (также на 15%). В итоге, в 2002 г. число сторонников евроинтеграции примерно на 20% превышало количество евроскептиков, а в 2009 г. перевес оказался уже на стороне последних (45% против 36%). Вдобавок в ходе этого реструктурирования общественного мнения взгляды россиян приобрели большую

определенность – доля затруднившихся ответить на вопрос о возможности и желательности интеграции России с еврообществом, которая, как отмечалось выше, составила в 2007 г. целых 30%, ныне уменьшилась до 18%.

Разумеется, в этой связи можно говорить об определенных опасениях и разочарованиях. Как бы ни относились наши сограждане к Европе, равно как и к отдельным европейским странам и народам, их отношение к себе они отнюдь не склонны видеть в розовом свете. Так, лишь один человек из десяти считает, что в Европе действительно принимают близко к сердцу развитие рыночных реформ и демократии в России, и только пятая часть опрошенных убеждена в том, что здесь действительно хотели бы сотрудничать с Россией на равных. За последние годы в российском обществе сложилось устойчивое мнение, что европейцы относятся к своему восточному партнеру чисто прагматически, причем в самом узком и приземленном смысле этого слова. Мало кто из наших респондентов полагает, что европейцев могут заинтересовать интеллектуальные достижения и культурный потенциал России или ее способность играть роль противовеса глобальной гегемонии США, но почти 60% убеждены в том, что по-настоящему им нужны только российские природные ресурсы (табл. 1).

Таблица 1.

Мнения россиян о возможных мотивах Западной Европы по вопросу о сотрудничестве с Россией, %

Возможные мотивы	2002	2009
Западная Европа заинтересована исключительно в природных ресурсах России	58,5	58,5
Западная Европа заинтересована исключительно в России как противовесе мировому господству США	23,2	19,7
Западная Европа заинтересована в использовании интеллектуального и культурного потенциала России	20,0	11,9
Западная Европа заинтересована в равноправном экономическом сотрудничестве с Россией	16,7	21,8
Западная Европа заинтересована в развитии демократии и рыночных реформ в России	14,0	10,1
Европа вообще не заинтересована в сотрудничестве с Россией	4,5	6,8
Затруднились ответить	8,4	8,6

Примечание. Сумма цифр превышает 100%, поскольку респондентам можно было выбрать до двух вариантов ответов.

Отметим вместе с тем, что общая тональность отношения к Европе варьируется в зависимости от социально-демографических различий респондентов. Более обеспеченные в материальном отношении и более образованные россияне реже считают европейцев неискренними и несколько чаще выступают за интеграцию с Евросообществом. Однако и среди них это – позиция меньшинства, да и отклонения от средних по выборке значений соответствующих индикаторов в обоих названных случаях невелики: максимально до 4%. По-настоящему значимым фактором, разделяющим россиян в вопросах отношения к Европе, является возраст. Собственно, евроэнтузиасты преобладают над евроскептиками лишь в одной возрастной группе – до 20 лет. Но зато это преобладание является очень весомым – 17%.

Основные этапы становления и усиления российского евроскептицизма не трудно соотнести с различными глубоко обеспокоившими россиян событиями международной жизни. Это и вооруженная акция НАТО в бывшей Югославии, и планы размещения американской ПРО в Польше и Чехословакии, и позиция, занятая ведущими европейскими странами по поводу действий России, последовавших за нападением грузинской армии на Цхинвал. Безусловно, не способствуют созданию дружеской атмосферы периодически возобновляющиеся попытки переложить на СССР ответственность за развязывание Второй мировой войны. Но дело не только в опасениях и обидах. Судя по всему, в складывающихся обстоятельствах россияне не очень полагаются на то, что сотрудничество с Европой станет определяющим фактором развития страны. Приблизительно 2/3 наших респондентов выразили мнение, что в обозримом будущем Россия сможет усилить свои позиции в Европе в основном как поставщик углеводородов и других природных ресурсов. На то, что в этом ей помогут такие отрасли, как наука и высокие технологии, разработка и экспорт вооружений (тоже высокие технологии!), промышленность и сельское хозяйство, а также образование, надеются значительно меньше. Но россиян-то как раз больше устроило бы обратное соотношение: ведь сырьевая ориентация – это именно то, чего они хотели бы избежать! Большинство населения страны считает, что Россия должна развиваться в первую очередь как лидер научно-технического прогресса. Однако попытки наладить паритетное сотрудничество с Евросоюзом в высокотехнологичных производствах (таких, как авиастроение) особых результатов пока не принесли. И надо сказать, что по сравнению с опросами 2002 и 2007 гг. оптимизма у наших респондентов в этом отношении практически не прибавилось. Поэтому, несмотря на все субъективные симпатии и общее культурно-историческое наследие (Ф.М. Достоевский сказал однажды, что у русского человека как бы

две родины – Россия и Европа), европейское направление, возможно, просто утрачивает в глазах россиян свою особую приоритетность.

Похоже, что обратной стороной этого процесса становится глубинная трансформация российской идентичности, в ходе которой постепенно усиливается ее евразийская составляющая. Судя по данным проведенного исследования, в массовом сознании существуют две модели российской идентичности: 1) Россия представляет собой часть Европы и в будущем, так же, как это было в прошлом, она будет наиболее тесно связана именно с этим регионом и 2) Россия не является вполне европейской страной, а представляет собой особую – евразийскую – цивилизацию и в дальнейшем центр тяжести российской политики будет смещаться на восток. Эти точки зрения сопоставимы по популярности, но если еще несколько лет назад первая из них все же на 5–6% перевешивала вторую, то теперь они практически сравнялись между собой. Наиболее значимым фактором, определяющим выбор той или иной модели идентичности, как и в вопросах евроинтеграции, является возраст. У респондентов до 35 лет преобладает стремление видеть Россию частью Европы, а в более старших возрастных когортах соотношение меняется на противоположное.

Соответственно набирающей силу евразийской парадигме переосмысливается и отношение между «Мы» и «Они» в его международном преломлении, в том числе применительно к внешнеполитическим задачам государства. И относительное ослабление российского политического европеизма стало следствием не ухудшения отношений россиян к Европе, а прогрессирующей диверсификации российских интересов и устремлений. Хотя симпатии к Европе в общем и целом не убывали (конъюнктурные колебания мы в данном случае в расчет не принимаем), значимость других направлений внешней политики нарастала значительно быстрее. Примечательны, например, такие цифры, характеризующие восприятие геополитических субъектов и структур на уровне эмоций и подсознательных ассоциаций. В 2002 г. уровень положительных реакций наших респондентов на понятие «Европейский союз» был зафиксирован на уровне 59%, тогда как на аббревиатуру «СНГ» он оказался на целых 25% ниже (только 34%). Разрыв, понятно, очень значительный, если не сказать подавляющий. Но через 7 лет мы наблюдали уже совсем другую картину. В принципе за это время «подросли» оба индикатора. Но если первый из них поднялся только на 6 процентных пунктов, то второй увеличился более, чем вдвое, и не только догнал, но и перегнал первый (72% против 65). Восходящей динамикой характеризуется отношение общественного мнения и к отдельным государствам, выступающим в качестве важнейших партнеров России вне Евросоюза,

Европы и западного мира в целом. В первую очередь это Белоруссия и другие союзники по ОДКБ, а также новые экономические и политические гиганты Азии – Индия, Китай, Корея и др. Кажется, что образ рвущихся ввысь небоскребов Шанхая и Сингапура в восприятии россиян понемногу оттесняет на задний план уютное обаяние «старушки Европы».

В какой степени политический диалог России с европейским сообществом подкрепляется повседневной культурной практикой «среднестатистического» российского гражданина? Иначе говоря: насколько «европейскими» являются повседневные культурные интересы россиян, насколько интенсивны их культурно-информационные связи с Европой? Для ответа на эти вопросы имеется база сравнения: у нас есть возможность сопоставить полученные нами данные с результатами, полученными нами ранее – в 2002 г. (табл. 2)

Таблица 2.

Как россияне в течение последнего года знакомились с теми или иными явлениями европейской жизни и культуры?, %

Формы знакомства с европейской жизнью и культурой	2002	2009
Посетили одну из европейских стран	4,5	6,8
Прочитали книгу европейского писателя	26,9	17,1
Посетили выставку, посвященную европейской культуре	6,2	4,9
Сходили на концерт европейских артистов	6,2	6,4
Посмотрели европейский кинофильм	56,6	43,9
Читали специальные издания о жизни и культуре в странах Европы	19,9	15,1
Слушали радиопередачи, посвященные европейской культуре	20,7	13,5
Смотрели телепередачи, посвященные европейской культуре	55,6	49,8
Получали информацию о жизни и культуре Европы через Интернет	3,8	15,8
Получали информацию о жизни и культуре Европы от друзей и знакомых, проживающих или часто бывающих там	20,1	17,3
Другое	1,3	0,5
За последний год не знакомились с теми или иными явлениями европейской жизни и культуры	22,2	21,8

Как видно из приведенных цифр, общая интенсивность культурно-информационных контактов россиян с Европой за 7 лет в целом практически не возросла. Происходило лишь некоторое реструктурирование культурно-информационного поля. Граждане России стали несколько чаще бывать в европейских странах и, кроме того, значительно (в 4 раза) возросло значение такого источника информации, как Интернет. Однако одновременно с этим мы наблюдаем значительное снижение интереса к европейской литературе и кинематографу,

которые еще сравнительно недавно занимали едва ли не центральное место в духовном мире образованного русского человека.

Культурное пространство России, если рассматривать его с точки зрения «топологии» российско-европейских взаимодействий, очень неоднородно. Наиболее интенсивны эти взаимодействия в мегаполисах и некоторых других крупных городах, где в стороне от них остаются только 14–15 % населения. Дело, однако, не только в количественных, но и в качественных различиях. Скажем, по интересу к чтению книг европейских писателей москвичи и петербуржцы отнюдь не опережают жителей областных центров, а по просмотру телепередач о европейских странах мегаполисы даже уступают – и не только другим городам, но также поселку и деревне. Но, когда речь заходит не о литературном и экранном знакомстве с Европой, а о живых контактах и живом опыте, а также специализированных деловых интересах, картина меняется. Это заметно уже при сопоставлении москвичей и петербуржцев с жителями других крупных городов. Так, за последний год в странах Европы удалось побывать приблизительно каждому четвертому жителю мегаполисов и только каждому десятому жителю областных городов. На селе же этой возможностью смогли воспользоваться лишь 3% опрошенных. Москвичи и петербуржцы в 1,5–2 раза чаще, чем жители областных центров посещают европейские выставки и бывают на концертах европейских артистов, на периферии этот разрыв еще более увеличивается, вплоть до 10-кратного.

Особо следует сказать об использовании информационных возможностей Интернета. В принципе контингент интернет-пользователей растет в российских поселениях всех типов. Однако – весьма неодинаковыми темпами. Если в мегаполисах число жителей, которые получают информацию о жизни Европы и отдельных европейских стран через Интернет, со времени проводившегося нами в 2002 г. опроса увеличилось в 7 раз (с 8 до 35%), а в областных центрах почти впятеро (с 4,8 до 23%), то на селе он лишь удвоился, поднявшись с ничтожных 1,5 до скромных 3%.

Описанные различия позволяют характеризовать российские мегаполисы как своеобразные конденсаторы зарубежного социокультурного опыта, равно как и опыта международного общения. В то же время именно в мегаполисах наиболее сильно убеждение, что Россия – не столько часть Европы, сколько особая – евразийская – цивилизация (так думают в общей сложности примерно половина москвичей и петербуржцев и только 38–40% жителей других городов). Здесь же, в зоне наиболее интенсивного контакта с Европой, меньше других верят в то, что европейцы искренне хотят России благополучия, а перевес

изоляционистской позиции над сторонниками интеграции России с Евросоюзом достигает максимальных 15%.

Итак, мы можем констатировать, что в российском социуме наметился процесс эрозии европейской идентичности. Отчасти он обусловлен крепнувшим убеждением в том, что в своих отношениях с Россией европейцы в целом руководствуются чисто эгоистическими мотивами. При этом никакой враждебности к Европе россияне не проявляют. Но былое обаяние «европейского выбора» в общем и целом тускнеет, сохраняя преобладающие позиции лишь в младших возрастных группах. Культурно-информационное взаимодействие с Европой не ослабевает, но и не усиливается. В то же время общество тяготеет к самоопределению в новой системе внешнеполитических координат, в которой начинает доминировать стремление к консолидации с некоторыми партнерами по СНГ и развитие экономических и политических связей со странами Азии.

Литература:

1. Россия как цивилизация: сибирский ракурс / отв. ред. Костюк В.Г.; Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт философии и права. – Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2008. – 261 с.

2. Аргутинский-Долгорукий А.И. Путь России: итоги тысячелетия, XXI век. – М.: Новое тысячелетие, 1997. – 71 с.

3. Алексеев В.В. Судьба России в XX веке // Историческая наука на пороге XXI века / отв. ред. А.П. Деревянко. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2001. – С.4-20.

4. Арсентьев М. Россия на пороге XXI века // Обозреватель. – 2000. – N 4(123). –С.8-9.

5. Бокань Ю.А. Российская идейная доктрина на XXI век (Проект "Гражданская Держава"). – М.: Издательский Дом "Грааль", 2001. – 36 с.

6. Ивашов Л. Россия и мир в новом тысячелетии: Геополитические проблемы. – М.: Палея-Мишин, 2000. – 333 с.

7. Моисеев Е.Г. Россия в современном мире: Международно-правовые и внешнеполитические аспекты: Кн.1. – М.: Книга и бизнес, 2002. – 376 с.